ПОСТИМПЕРСКАЯ СИТУАЦИЯ И ВОЙНА КАК ПРЕДМЕТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

В этом году под руководством профессора Института социальной онтологии и прикладной философии Университета Белграда П. Боянича на базе департамента философии УГИ нашего университета начались исследования на тему «Постимперская ситуация межвоенного периода в интеллектуальной рефлексии: война, ответственность, идентичность». Ниже мы публикуем статьи, подготовленные рядом участников научного проекта.

УДК 141.12 + 141.78 + 316.486.25 + 355.01

А. С. Меньшиков

ВОЙНА КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ*

В статье раскрывается проблематизация войны как социального феномена в контексте теории модерности. Проводится различие между анализом феномена войны в рамках военной социологии, или социологии войны в узком смысле, и социально-философским анализом войны. Предлагаются методологические замечания о том, как эта проблематика может быть рассмотрена средствами дискурс-анализа и в перспективе интеллектуальной истории, а также указываются особенности авторского подхода к проблеме осмысления войны в социальной мысли. Далее проводится обзор имеющихся исследований, которые могут послужить основой для анализа вклада российских социальных мыслителей в интеллектуальную рефлексию о войне в тот формативный период, в который складываются классические теории модерности и в который особое значение имел исторический опыт Первой мировой войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: теория модерности, война как социально-философская проблема, интеллектуальная история, социология после Первой мировой войны.

В данной статье мы обращаемся к анализу войны как социального феномена в контексте теории модерности. Следует подчеркнуть, что не военная социология,

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

© Меньшиков А. С., 2017

или социология военных и армии, представляет для нас интерес. Это специализированное, часто довольно закрытое поле исследований чрезвычайно важно, но нас интересует осмысление исторического опыта войны как социально-философской проблемы для теории модерности. С 70-х гг. XX в. складывается совершенно иное понимание войны, в частности, благодаря работам Ч. Тилли, Т. Скочпол, М. Манна и др. ([32], обзорно [31, 38]), в рамках исторической социологии, поэтому мы обратимся к предшествующему этапу, а именно, временным фокусом нашего рассмотрения интеллектуальной рефлексии о войне в социальной мысли будет тот формативный период, в который складываются классические теории модерности и в который особое значение имел исторический опыт Первой мировой войны.

Для прояснения разницы между военной социологией, или социологией войны в узком смысле, и социально-философским подходом к войне можно указать на типичную для социологии войны проблематику, которая рассмотрена в статье Йэна Роксборо «Размышляя о войне» [36]; он, правда, отмечает, что исследования по социологии войны ведутся в основном политологами и историками. Ключевыми вопросами в военной социологии будут следующие: как организовано финансирование и обеспечение армии в мирное и военное время; как организованы военный призыв и обучение; как ведут себя индивиды и группы в боевых операциях и битвах; каковы особенности расовых, гендерных, сексуальных аспектов поведения военных и как решаются межкультурные и социальные конфликты в военной среде; каково отношение гражданского общества к военным; какова динамика модернизации — как технической, так и интеллектуальной — в армейской среде. Однако есть ряд вопросов, которые выходят на более высокий теоретический уровень и могут оказать влияние на само наше понимание социального порядка, на ценностное ви́дение общества как такового. Среди таких вопросов можно назвать, например, вопросы о причинах войны, в частности, о том, какую роль та или иная политическая форма или режим играет в милитаризованности общества, в повышении вероятности ведения войны, то есть в целом вопросы о том, какое общество более склонно к войне и как войны воздействуют на гражданское общество.

Так, в идеале в современных обществах военные подчинены гражданскому правительству, последнее ставит политические цели, первые обладают знаниями и средствами для их достижения («технические эксперты насилия»). Тем не менее это идеальное ви́дение, представленное как «проблема главного агента» в работе Питера Фивера «Военнослужащие» (буквально «Вооруженные слуги»), оказывается лишь «удобной фикцией». Поскольку в реальности военные имеют свои политические предпочтения (партийные прежде всего, но могут иметь и политические амбиции), имеют свое понимание войны и своей роли в ней, собственное восприятие угроз и необходимых способов им противостоять, которые могут отличаться от воззрений гражданского правительства, то это может повлечь за собой не столько военный переворот, сколько неподчинение или уклонение (shirking) от требований гражданских властей. Отсюда возникают нормативные проблемы для демократической теории, для теории современного государства и для самой идеи «современного», то есть модерного, общества.

Как уже было упомянуто, мы не станем рассматривать социальные теории войны, возникшие в период после Второй мировой войны, для нас особый интерес представляют классические теории модерности и осмысление в них исторического опыта Первой мировой войны.

К столетию Первой мировой войны вышли разнообразные издания, в которых были представлены как первоисточники, так и исследовательские работы. Особо стоит отметить четырехтомник «Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914–1918» [5]; «Российская общественно-политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне. Исследования и материалы» [7]; «Российская общественно-политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне» [6]. Среди менее связанных с годовщиной работ заслуживают внимания антология «Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн» [8]; специальный выпуск журнала «Социологическое обозрение», а также ряд статей таких авторов, как А. Н. Гулевский, Н. А. Гулевская [1, 2], Е. Н. Карлова [3], Т. А. Пархоменко [4], А. А. Скворцов [9, 10], А. В. Соловьев [11], А. А. Степанов [12], М. П. Требін [13] и др. Однако в большинстве данных, весьма содержательных работ обнаруживается, с одной стороны, уклон в сторону описания реакций на войну творческой интеллигенции, в особенности разного рода литераторов, с редкими включениями философов, которые смотрели на вопрос скорее с моральной точки зрения. С другой стороны, в этих работах задается рамка именно военной социологии [29, 13]. Более того, невозможно не отметить игнорирование перечисленными авторами не менее обширной исследовательской литературы на иностранных языках; в частности, в сфере интеллектуальной истории можно назвать исследования Пола Фасселла [19], Роберта Уоля [39], Марты Ханна [20], Сэмюэля Хайнса [21], Модриса Экстейнса [16], Роналда Стромберга [37], Йорна Леонхарда [27, 28], Филиппа Суле [29], Кристофа Прошассона [34, 35], Курта Флаша [18], Давида Обэна и Патриса Бре [26], Николя Бопре [15], Фрэнка Филда [17], Сванте Нордина [33] и др.

В рамках же заданного нами рассмотрения войны как социально-философской проблемы для теории модерности особую важность представляют работы Ханса Йоаса, в частности, «Война и модерность» и «Война в социальной мысли» [22–24], написанная в соавторстве с Вольфгангом Кнёблем. Последняя работа заслуживает внимания не только благодаря своему историческому охвату (от Гоббса до современности), но и по своим методологическим установкам.

В плане методологии Йоас и Кнёбль дают оценку работы Йорна Леонхарда [26], который предлагает своеобразный дискурс-анализ, отличный от подхода Фуко. Для Леонхарда дискурсы являются отношениями «между говорящими и слушателями, в которых происходит освоение опыта» [24, *9*], то есть они имеют прежде всего коммуникативный характер. «Такой дискурс-анализ должен быть направлен на сами аргументы. В этом смысле он отличен от истории понятий, поскольку работает не с конкретными понятиями или понятийными полями, но с тем, как восприятие и опыт взаимодействуют, осмысляются и руководят поступками» [Там же]. В этом историческом дискурс-анализе восприятия и осмысления

опыта войны в национальных контекстах, который проделан Леонхардом, Йоас и Кнёбль обнаруживают один недостаток, который можно назвать «методологическим национализмом». Несомненно, существует различие между тем, как опыт войны воспринимается и осмысляется в различных национально-культурных контекстах, однако Йоас и Кнёбль сомневаются, что и сам исследователь может выйти из рамок такого национального дискурса: «совершенно очевидно, что при намерении постичь динамику (всегда обусловленного ситуацией) освоения опыта войны и его преобразования в политическое действие, схематические описания национальных позиций по поводу войны совершенно недостаточны» [24, *10*]. Потому, пишут Йоас и Кнёбль, «теоретически ориентированная тематическая история, которую предлагаем мы, и исторический дискурс-анализ дополняют друг друга. В духе истории науки мы будем неизменно обращаться к условиям, в которых формируются теории; соответственно неизбежно, что дискурс-анализ, который нацелен, как у Леонхарда, на историю аргументов, не может совершенно исключить оценку убедительности аргументации, изложенной в исторических текстах» [Там же].

Для Йоаса и Кнёбля важным представляется изучение эволюции проблематики войны и мира, теоретических новшеств в ее осмыслении. Так, они отмечают, что для понимания такой эволюции следует обращать внимание на общую концепцию социального порядка (ср., например, статью О. Кильдюшова в упомянутом спецномере СоцОбоза [25]), теорию действия, то есть теорию мотивации поведения индивидов, политико-философские воззрения, в которых формулируются ценностные ориентиры социальной жизни, то есть цели общежития.

Однако именно в рамках такой методологической установки, которую предлагают Йоас и Кнёбль, было бы уместно рассмотреть не только европейских и американских авторов, но и российских социальных мыслителей. Особенно в ситуации, когда до сих пор для интеллектуалов война «представляет особый эмоциональный вызов для нашей мысли, на который люди отзываются стратегиями избегания или мифологизации, а также историческим самоутешением, когда, например, конкретная война объявляется последней перед окончательным наступлением всеобщего мира» [24, *ix*].

Европейские социальные и политические философы, которые предложили нам фундаментальные теории современного общества (теории модерности), маргинализировали войну как социальное явление, видели в ней «другое» модерности[1]. Потому сравнительная перспектива, которая позволяет видеть не только национальные дискурсы (Леонхард), этапы теоретического осмысления (Йоас), но и типы подходов к осмыслению исторического опыта войны и его инкорпорирования в теорию модерности поверх национальных границ, может быть чрезвычайно полезна. С одной стороны, это открывает интересные возможности для расширения социологии интеллектуалов; с другой стороны, сами дискуссии об ответственности, о самой идентичности интеллектуалов в столь острой ситуации — нового

[1] «Либерализм сыграл решающую роль в формировании или, скорее, деформировании социальных теорий о войне» [24, *10*].

травматического опыта мировой войны — представляют интерес для понимания публичной роли интеллектуалов. Еще одной особенностью методологии Йоаса и Кнёбля является особое внимание к философским текстам, тогда как так называемые эго-документы ими, на наш взгляд, остаются недооцененными (см., например, применительно к периоду [14]).

Именно переписка и воспоминания социальных мыслителей могут пролить свет на то, как они осмысляли исторический опыт войны. В одной лишь «Войне философов» Сванте Нордина [32], где как раз автор опирается на разнообразие источников, упоминаются десятки выдающихся европейских интеллектуалов; в связи же с нашим контекстом можно упомянуть таких социальных мыслителей, обсуждаемых в этой работе, как Бергсон, Вебер, Грамши, Дюркгейм, Зиммель, Зомбарт, Лукач, Тённис, Шпенглер, Шмитт, Фрайер, Юнгер, личные документы которых могут дополнить наше понимание развития их социально-философской проблематизации войны.

Постановка проблемы в сравнительной перспективе позволит структурировать довольно обширное эмпирическое поле не по традиционным национальным границам, а по типам отношения к войне, тогда как включение эго-документов дает возможность реконструировать не только артикулированные, но и имплициитные представления о модерном обществе социальных мыслителей интересующего нас периода.

Итак, после обсуждения методологических вопросов, связанных с возможностями изучения осмысления войны как социально-философской проблемы для теории модерности, обратимся к эволюции социально-философского подхода к войне. Мы будем опираться на уже упомянутый обзор социально-политической мысли о войне, предложенный Йоасом и Кнёблем.

При своем теоретико-ориентированном эволюционном подходе Йоас и Кнёбль задают некоторый спектр позиций между политическим реализмом Гоббса и «демократическим универсализмом» Канта, в рамках каждой из которых происходит переплетение идей, аргументов, проблематизаций.

В случае Гоббса главной задачей было утверждение возможности социального порядка, потому-то «конструкт “естественное состояние” предназначался для демонстрации more geometrico, того, как и почему индивиды, которым приписывается эгоизм, тем не менее могут согласиться принять общий порядок» [24, *18*]. Утверждая, что самосохранение является главным мотивом человеческого поведения и что именно на этом мотиве можно через общественный договор учредить мир, то есть создать государство, в котором право на насилие имеется только у суверена, Гоббс отказывается от теорий естественного права и тем самым «деморализует» политическую философию. Однако такое концептуальное учреждение мира внутри государства обернулось невозможностью перенести эту логику на международные отношения. Теперь легитимность порядка внутри государства означала невозможность легитимации какого-либо международного порядка, «война всех против всех» перенесена на уровень межгосударственных отношений. Для Гоббса это представлялось вполне допустимым, поскольку на уровне международной политики избежать насилия проще, ведь государства

«более контролируемы» (better constrained) и имеют больше средств для «взаимного сдерживания» (mutual deterrence).

Помимо этого стандартного контраргумента из критики Гоббса Йоас и Кнёбль обращают внимание еще на несколько вопросов, возникающих к политико-реалистической трактовке общественной жизни: кто определяет государственные (национальные) интересы, кто их артикулирует, какая политическая форма может быть лучше, если нет ценностного различия между политическими формами, которые все — в этой логике — возникают из общественного договора? Ведь если гоббсовская свобода — это отсутствие угрозы жизни, то практически всякое относительно стабильное государство, независимо от своей формы и режима, может считаться свободным. Йоас и Кнёбль считают, что именно в этом вопросе Монтескье, который исходил из «аристократического» понимания свободы как привилегии, намеренно выступает против Гоббса. Для Монтескье сообщества могут быть основаны на разных принципах (монархия — на чести, аристократия — на самоограничении, республика — на добродетели) и мотивы поступков людей могут быть не менее разнообразны. Потому для достижения мира нужны не столько логика эгоизма в легитимирующей абсолютную власть аргументации, сколько социальные процессы и отношения, как, например, торговля, которая имеет «цивилизующий эффект». Именно через торговлю люди и народы узнают больше друг о друге, приобретают «чувство точной справедливости», а также становятся более взаимозависимыми в экономическом плане. Этот аргумент об «умиротворяющих» последствиях торговли станет одним из главных во всех либеральных теориях, однако для Монтескье, как отмечают Йоас и Кнёбль, речь идет не о «буржуазном мире», поскольку для него гораздо важнее гражданская добродетель, которая может выражаться и в ценностях военных, как это было в Риме [24, *25*].

Особое внимание уделено шотландской школе политической философии, поскольку именно у этих авторов Йоас и Кнёбль обнаруживают заинтересованность в эмпирическом и социологическом материале, из которого может возникнуть теория. Так, все «шотландцы» относятся с подозрением к конструкту «естественное состояние», все принимают за основу разнообразие мотивов поведения людей. Харрингтон одним из первых предлагает свою стадиальную теорию, опираясь на исторические источники и социальный анализ. Более того, именно «шотландцы» одними из первых отказываются от традиционных представлений об экономическом процветании как угрозе нравам, как пути к роскоши и коррупции, хотя не все, как, например, Фергюсон, готовы прославлять «коммерческое общество». Фергюсон, более того, отказывается от мнения, что война является абсолютным злом, что она проистекает лишь из порочных мотивов. Напротив, лучшие качества человека могут проявляться в войне. Война может быть гарантом добродетели, как пишет Фергюсон; «без соперничества народов, без ведения войн, гражданское общество едва ли обрело бы цель или форму. Человечество могло бы торговать без всякого формального соглашения, но оно не может быть в безопасности без национального согласия. ...Привести в благоговейный страх, или поразить величием, или, когда невозможно убедить разумными средствами, сопротивляться

силой — составляют занятия, которые наиболее вдохновляют, приносят наибольшую гордость сильному уму; тот же, кто никогда не вступал в борьбу с другими, не ведает большей части чувств, свойственных человеку» [24, *32*].

В этом плане дискуссия о том, лучше ли для государства иметь гражданское ополчение или постоянную армию, наиболее показательна. Для Фергюсона, по мнению которого быть гражданином подразумевает обладать гражданскими добродетелями, ополчение приоритетно, ибо именно через служение в ополчении добродетель может воспитываться и укрепляться. Для Смита с его экономическим взглядом на общество, в отличие от Фергюсона, нет классового разделения на граждан–носителей добродетели и работников, которые обеспечивают этих граждан, пока они выполняют свой гражданский долг, но есть разделение труда, в котором каждому лучше выполнять специализированные функции, а потому профессиональная армия является более эффективной и справедливой.

Другим критиком идеи «войны всех против всех» и вытекающего из нее ви́дения социального порядка был Руссо. Руссо полагал, что изобретение частной собственности разрушило прежде гармоничные отношения людей и принесло конфликты, которые могут быть контролируемы лишь силой государств. Государство, таким образом, базируется на необходимости защищать собственность, и ни собственность, ни государство не являются ценностно оправдываемыми [Там же, *45*]. Выводом из такого ви́дения общества и государства становится полное отрицание легитимности войны, деления на справедливые или несправедливые войны, отрицание «права на войну». Однако Руссо в первой версии «Общественного договора» развивает свое понимание войны так: «Война не является отношением между людьми, но между державами, принадлежащие которым частные индивиды оказываются врагами лишь случайно. Иностранец, который грабит, мародерствует или захватывает в плен подданных без объявления войны правителю, является не врагом, а бандитом; даже в разгар войны справедливый правитель захватывает во вражеской стране только государственное имущество, но уважает личность и имущество частных индивидов. Он уважает права, на которых основана его собственная власть. Война заканчивается уничтожением враждебного государства. Можно по праву уничтожать его защитников, пока они вооружены, но как только они сложили оружие и сдались, они перестают быть врагами или, вернее, орудиями врага. [Оппонент] более не обладает правом на их жизнь, государство может быть разрушено без убийства даже одного из его членов» [Там же, *48*].

Выходом из ситуации, в которой конфликты и войны неизбежны, поскольку государство служит для защиты и увеличения собственности, может быть учреждение европейской федерации, как это предлагает аббат Сен-Пьер в своем труде, изданном Руссо. Но такая федерация, если быть реалистичными, потребует применения насилия. Ни федерация, ни мировая республика недостижимы без принуждения силой, а потому лишь «небольшие самодостаточные республики, которые создают собственное ополчение, необходимое лишь в целях обороны, могут снизить риск войны, риск, который неустраним при наличии государств» [Там же]. Более того, торговля и коммерческая экономика также подвергают

опасности мирное сосуществование, поскольку порождают жадность, амбиции, конфликты за ресурсы и рынки.

Своеобразную комбинацию из идей Гоббса и аббата Сен-Пьера (вопреки интерпретации Руссо) создает Кант. Кант, с одной стороны, принимает идею естественного состояния и склонности человека к насилию, с другой стороны, указывает путь к выходу из этого естественного состояния через просвещение и развитие рационального общественного устройства. Для Канта федерация должна возникнуть, чтобы конфликты между государствами, или международное «естественное состояние» войны, были преодолены. Однако Кант рассматривает конфликтность и войны как позитивный фактор в истории человечества, связывая прогресс с конкуренцией. Как пишут Йоас и Кнёбль, «(военное) соперничество между государствами способствует свободе, поскольку государства всегда стремятся обеспечить себе верность граждан и потому вынуждены даровать им некоторые свободы. Конкурирующие государства, полагал Кант, особенно заинтересованы в развитии торговли, как только усвоили ее преимущества для укрепления своей военной мощи» [24, *53*].

Парадоксальным образом, война оказывается эмансипирующей силой в эволюции человеческих обществ. Немногие свободы открывают возможности для большей эмансипации, для большего просвещения и расширения прав, что, в свою очередь, поможет избежать военных конфликтов и войн. Ведь чем лучше люди понимают свои подлинные интересы, тем меньше они будут склонны к одобрению войны, а чем больше имеют контроль над своим правительством, тем вероятнее, что правительство не захочет отвратить от себя своих граждан [Там же, *57*]. Таким образом, Канта можно считать главным представителем традиции «демократического универсализма».

Следующий этап в развитии проблематизации войны Йоас и Кнёбль видят в утилитаризме. В контексте соперничества за гегемонию между Британией с Францией и конфликта с колониями Бентам видел путь к миру в двусторонних соглашениях о мире и в создании европейского конгресса для урегулирования возникающих между государствами конфликтов. Однако подлинной причиной войн является «ложное понимание экономики... Свободная торговля между народами станет прорывом в обеспечении мира. Каждый получает плоды от торговли, но правителям еще предстоит понять это. Из-за своего невежества правители вводят разного рода ограничения на торговлю, и именно это провоцирует вооруженные конфликты» [Там же, *38–39*]. Однако для других утилитаристов и либералов XIX в., которые поднимают этот аргумент об умиротворяющей роли торговли на знамена, антиколониальные и антиимпериалистические выводы Бентама оказались неприемлемы. «Либеральный поворот к империализму в этот период... сопровождался забвением плюралистических и включавших множество нюансов теорий прогресса, которым пришли на смену более презрительное понятие “отсталость” и более жесткая дихотомия между варварством и цивилизацией» [Там же, *42*]. Однако этот союз между либерализмом и империализмом заслуживает того, чтобы стать предметом нашего более подробного рассмотрения в отдельной статье.

1. *Гулевский А. Н., Гулевская Н. А.* Анализ теоретических подходов к пониманию войны [Электронный ресурс] // Изв. ВолгГТУ. 2010. № 8. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-teoreticheskih-podhodov-k-ponimaniyu-voyny (дата обращения: 05.07.2017).

2. *Гулевский А. Н., Гулевская Н. А.* Понятие «Война» и его метаморфозы в философском дискурсе [Электронный ресурс] // Там же. 2015. № 9(172). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-voyna-i-ego-metamorfozy-v-filosofskom-diskurse (дата обращения: 05.07.2017).

3. *Карлова Е. Н.* Социологическое осмысление проблем войны и армии в период становления Советского государства (1918 — начало 1930-х годов) [Электронный ресурс] // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. № 3-1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskoe-osmyslenie-problem-voyny-i-armii-v-period-stanovleniya-sovetskogo-gosudarstva-1918-nachalo-1930-h-godov (дата обращения: 05.07.2017).

4. *Пархоменко Т. А.* Первая мировая война и интеллигенция России [Электронный ресурс] // Культурол. журн. 2015. № 1(19). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-mirovaya-voyna-i-intelligentsiya-rossii (дата обращения: 05.07.2017).

5. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914–1918 : в 4 т. М., 2014.

6. Российская общественно-политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне / сост. В. А. Гуторов. СПб., 2017.

7. Российская общественно-политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне: Исследования и материалы. М., 2013.

8. Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн. М., 2005.

9. *Скворцов А. А.* Концептуализация представлений о войне в западной моральной философии и русской этической мысли XVII–XIX вв. Альманах Пространство и Время : электронное научное издание. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-predstavleniy-o-voyne-v-zapadnoy-moralnoy-filosofii-i-russkoy-eticheskoy-mysli-xvii-xix-vv (дата обращения: 05.07.2017).

10. *Скворцов А. А.* Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. [Электронный ресурс] // Этическая мысль. 2001. № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-problemy-voyny-v-russkoy-religioznoy-filosofii-hh-v (дата обращения: 05.07.2017).

11. *Соловьев А. В.* Война и насилие: опыт теоретико-методологического анализа: Альманах Пространство и Время : [электронное научное издание]. 2013. № 1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/voyna-i-nasilie-opyt-teoretiko-metodologicheskogo-analiza (дата обращения: 05.07.2017).

12. *Степанов А. А.* Война и мир в смысловом пространстве философии: методологический аспект [Электронный ресурс] // Вестн. ТГПУ. 2007. № 1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/voyna-i-mir-v-smyslovom-prostranstve-filosofii-metodologicheskiy-aspekt (дата обращения: 05.07.2017).

13. *Требін М. П.* Социология войны П. А. Сорокина // Вісн. Національ. ун-ту «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Сер. : Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2016. № 30 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-voyny-p-a-sorokina (дата обращения: 05.07.2017).

14. *Хубулова С. А., Сосранова З. В.* Эго-документы как исторический источник по Первой мировой войне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/ego-dokumenty-kak-istoricheskiy-istochnik-po-pervoy-mirovoy-voyne (дата обращения: 05.07.2017).

15. *Beaupré N.* Écrire en guerre, écrire la guerre : France, Allemagne, 1914–1920, CNRS Éditions, 2006.

16. *Eksteins M.* Rites of Spring The Great War and the Birth of the Modern Age. Boston ; N. Y., 1989.

17. *Field F.* British and French writers of the First World War. Comparative Studies in Cultural History. Cambridge University Press, 1991.

18. *Flasch K.* Die geistige Mobilmachung. Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg. Ein Versuch. Alexander Fest Verlag, 2000.

19. *Fussell P.* The Great War and Modern Memory. L., 1975.

20. *Hanna M.* The Mobilization of Intellect. French Scholars and Writers during the Great War. Harvard University Press, 1996.

21. *Hynes S. A.* War Imagined. The First World War and English Culture. L., 1990.

22. *Joas H.* The Modernity of War // International Sociology. Vol. 14, Iss. 4. 1999. P. 457–472.

23. *Joas H.* War and Modernity. Tr. R. Livingstone. Cambridge : Polity Press, 2003.

24. *Joas H., Knöbl W.* War in Social Thought. Hobbes to the Present. Princeton & Oxford, 2013.

25. *Kildyushov O.* 10 Theses on War and Social Order: Preliminary Arguments on the Constitutive Functions of Armed Conflicts // Социол. обозрение. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/10-theses-on-war-and-social-order-preliminary-arguments-on-the-constitutive-functions-of-armed-conflicts (дата обращения: 07.07.2017).

26. Le sabre et l'éprouvette. L'invention d'une science de guerre, 1914–1939. David Aubin et Patrice Bret (dir.). Agnès Viénot Éditions, 2003.

27. *Leonhard J.* Bellizismus und Nation. Kriegsdeutung und Nationsbestimmung in Europa und den Vereinigten Staaten 1750–1914. Munich : Oldenbourg, 2008.

28. *Leonhard J.* Die Büchse der Pandora — Geschichte des Ersten Weltkrieges. Beck, 2014.

29. Les Philosophes et la guerre de 14. Ed. Philippe Soulez. Presses universitaires de Vincennes, 1988.

30. *Lunkov A.* The Philosophical Foundations of the Russian Sociology of War at the Turn of the 19th and 20th Centuries // Социол. обозрение. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/the-philosophical-foundations-of-the-russian-sociology-of-war-at-the-turn-of-the-19th-and-20th-centuries (дата обращения: 05.07.2017).

31. *Malesevic S.* The Sociology of War and Violence. L. : Cambridge, 2010.

32. *Mann M.* States, War and Capitalism: Studies in Political Sociology, 1992.

33. *Nordin S.* Filosofernas Krig. Det europeiska filosofin under forsta varldkriget. Viborg, DK : Bokforlaget Nya Doxa, 1998.

34. *Prochasson Ch.* Les Intellectuels Français et la Grande Guerre. Les nouvelles formes de l'engagement // Bulletin des Bibliotheques de France. 2014. № 3. 1914 : Mémoires Vives. P. 38–45.

35. *Prochasson Ch., Rasmussen A.* Au nom de la patrie. Les intellectuels et la première guerre mondiale. La Découverte, 1996.

36. *Roxborough I.* Thinking about War // Sociological Forum. 2004. Vol. 19, № 3, Sept. P. 505–528.

37. *Stromberg R. N.* Redemption by War: Intellectuals and 1914. Lawrence, 1982.

38. The Sociology of War and Peace, (eds.) Creighton Colin, Shaw Martin. L., 1987.

39. *Wohl R.* The Generation of 1914. Cambridge, 1979.

Рукопись поступила в редакцию 07 июля 2017 г.